

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

О ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Вольнец Т. Н., Белорусский государственный университет

В социально-политическом пространстве Беларуси исторически сложилась весьма своеобразная языковая ситуация, которая в лингвистике традиционно определяется как двуязычие (или билингвизм). Белорусско-русское двуязычие охватывает разные сферы общественной жизни: радио, телевидение, газеты, художественную литературу, театры, образование, а русский и белорусский языки функционируют либо **дистантно** (параллельно и дифференцированно), либо **контактно** (оба языка одновременно используются на страницах одной и той же газеты, в повседневном общении, в ситуации, когда один из участников диалога говорит по-русски, а второй — по-белорусски). При этом двуязычие может быть **равноправным** (человек одинаково хорошо владеет и постоянно пользуется обоими языками) и **неравноправным** (знание и использование одного языка преобладает над знанием и использованием второго).

Большинство жителей Беларуси — представители неравноправного двуязычия, при котором знание русского языка преобладает над знанием белорусского. Реально русский язык на территории республики используется активнее, чем белорусский. И в целом существующее в республике русско-белорусское двуязычие можно охарактеризовать следующим образом.

1. Оба языка имеют одинаковый статус в соответствии с «Законом о языках в Республике Беларусь», однако после введения его в действие право гражданина выбирать язык общения в основном реализуется в пользу русского языка. Об этом прежде всего свидетельствует увеличение количества общеобразовательных учреждений с русским языком обучения. По данным Министерства статистики и анализа Республики Беларусь, в 2005/2006 уч. г. в городах в школах с белорусским языком обучения получали образование 20,5 % учащихся; с русским языком 66,7 %, в школах с двумя языками обучения — 12,7 % [14, с. 49—50]. В 2008/2009 уч. г. количество учащихся, получающих образование на русском языке, достигло 75 %, а количество учащихся, получающих образование на белорусском языке, сократилось до 18,6 % [10, с. 65]. А в 2013/2014 уч. г., по данным Министерства образования, количество обучающихся на русском языке достигло 81%. Ежегодно количество школ с русским языком обучения увеличивается приблизительно на 2—3%. Эти цифры фактически предопределяют реальную картину владения двумя языками в ближайшем будущем, поскольку, как справедливо считает Н. Б. Мечковская, «от степени внедрения русского языка в общеобразовательные школы зависит практическое владение языком завтрашним взрослым населением» [5, с. 86].

2. Уровень пассивного и активного владения обоими языками у населения достаточно высок, однако большинство городских жителей Беларуси — представители неравноправного двуязычия, при котором знание русского языка преобладает над знанием белорусского. Фонд «Наследие Евразии» в первое десятилетие XXI в. проводил специальное исследование, в ходе которого выяснялись степень распространенности и условия функционирования русского языка в новых независимых государствах, появившихся на постсоветском пространстве. Респондентам предлагалось ответить на следующие вопросы: 1) на каком языке вы общаетесь вне работы (в семье, с друзьями и т. д.)? 2) на каком языке вы общаетесь на работе? 3) как вы оцениваете свой уровень владения русским языком? 4) как регулярно вы читаете прессу и смотрите телепрограммы на русском языке? В результате оказалось, что русский язык активно используется жителями Беларуси и на работе (белорусский язык на работе используют только 2 % опрошенных), и вне работы. Около 75 % респондентов оценили свой уровень владения русским языком как высокий. И, наконец, почти 90 % респондентов ответили, что регулярно смотрят телепрограммы и читают газеты на русском языке. Кроме того, 84 % белорусских респондентов высказались за сохранение высокого статуса русского языка в Беларуси [11].

По предварительным данным последней переписи населения, родным белорусский язык назвали чуть больше 5 млн жителей страны (около 60 %). Остальные таковым считают русский. Правда, тех, кто и дома говорит на родном белорусском языке, в два раза меньше — 2,2 млн человек.

Все это свидетельствует о том, что на практике баланс использования русского и белорусского государственных языков не соблюдается и русско-белорусское двуязычие имеет черты несимметричного и функционально не уравновешенного процесса.

3. Явления интерференции наблюдаются как в белорусской, так и в русской речи жителей Беларуси. Произвольное смешение языков первоначально квалифицировалось как «совмещенный тип двуязычия», возникающий в результате неосознанной интерференции — проникновения элементов одного языка в структуру другого [см.: 15]. В начале 90-х гг. XX в. на волне национального самоопределения, возрождения белорусского языка и белорусской культуры интерференционные процессы стали рассматриваться под несколько иным углом зрения: стихийно русифицированный вариант белорусского языка был назван «трасяной» [12, с. 5]. А русский язык, функционирующий на территории Беларуси в качестве второго государственного языка и, естественно, трансформирующийся в процессе коммуникации под влиянием инонациональных элементов, немного позже был определен как нациолект [см.: 6; 8]. Появление данного термина не было случайным. Проблема функционирования русского языка в другой национальной среде после распада Советского Союза обострилась практически на всем постсоветском пространстве. Политическое и экономическое обособление бывших советских республик привело к усилению позиций национальных языков и, соответственно, к расширению их влияния на речь русскоговорящего населения. О формировании национальных вариантов русского языка заговорили лингвисты не только Беларуси, но и Литвы, Украины, Молдовы, Казахстана [см.: 1; 7; 13]. В качестве основного аргумента, доказывающего факт варьирования русского языка в зависимости от территории его функционирования, обычно используется следующее положение: русский язык в каждой из бывших союзных республик «характеризуется рядом особенностей, отличающих его в каких-то деталях не только от русского языка на территории его исконного распространения, но и от других «национальных вариантов» русского языка» [см.: 13]. К таким особенностям, как правило, относят:

— проявления интерференции на фонетическом уровне, в результате которых возникает особый вариант произношения и формируются специфические интонационные произносительные стандарты;

— процесс заимствования слов (лексические этнографизмы и просто лексические вкрапления из национального языка в русскоязычном тексте);

— проявления интерференции на морфологическом и синтаксическом уровнях (использование морфологических форм и синтаксических конструкций с ориентацией на грамматические нормы национального языка);

— коррекцию языковой картины мира (формирование иного пласта концептуально значимых лексем, например, для белоруса словосочетание *синеокий лен* является таким же символом родины, как для жителей России — *белостовальная береза*).

4. Интеграционные процессы в среде постоянно контактирующих языков неизбежны, однако при решении вопроса о формировании национальных вариантов русского языка на постсоветском пространстве в целом и в Беларуси в частности, на наш взгляд, следует проявить взвешенность и осторожность.

Прежде всего, при исследовании зон трансформации языковых уровней следует четко разделить устную и письменную речь билингвов, поскольку интенсивность и качественные характеристики интерферентных процессов в речи русскоговорящих жителей республики определяются ее формой. По отношению к устной речи действительно можно говорить о специфике ее фонетического оформления (как произносительного, так и интонационного), о стихийности и неконтролируемости использования лексических и грамматических элементов родного (в нашем случае белорусского) языка. И хотя характер звучащей речи в значительной степени определяется экстралингвистическими факторами (возрастом, профессией, уровнем образования носителей языка) и не считается нормативным, все-таки мы не можем отрицать высокую степень регулярности коммуникативного приспособления устной формы русского языка к национальным условиям.

5. Что же касается письменной речи, то переключение с одного языкового кода на другой, встречающееся в языке художественной литературы, в публицистике, в Интернет-коммуникации, это всегда процесс сознательный и прагматически ориентированный. При употреблении в русскоязычном тексте равноуровневых элементов белорусского языка (от лексем до микротекста) обычно актуализируется их прагматический компонент значения «оценочная характеристика» и уже сам факт языкового переключения оказывается эмотивно окрашенным. Включение белорусского слова в русскоязычный текст позволяет [3, с. 220—221]:

— ситуационно оформить функционирование языка в социуме (обычно наблюдается при цитировании или интервьюировании) — *Белорусский философ Валентин Акудович в книге «Код адсутнасці» пишет: «Здаецца, і па сёння мы не ўсвядомілі, што для нас і для Расеі гэта былі дзве зусім розныя вайны...»* (Свободные новости-плюс); В тексте интервью на вопрос журналиста А. Улитёнка, можно ли с костелом связать ополячивание народа, а с церковью — русификацию, сотрудник столичного Христианского образовательного центра Д. Шило отвечает: «... в современной жизни подобное обвинение выглядит как карикатура. **Я асабіста, напрыклад, з матчыным словам сябрую. Но што до проповедзей на беларуском языке, то их число не выросло, согласен, а лишь начало увеличиваться.**» (Свободные новости-плюс);

— охарактеризовать объект речи и выразить свою авторскую оценку ... *Беларусь называюць краем «блакітных азёраў»* (Белгазета);

— расширить семантическое пространство высказывания и актуализировать текстовую информацию. *Фронтвой дыскус быў пабудаваны на этнакультурным раздзелены нацыі на больш і менш «свядомых»* (в статье, опубликованной в Белгазете речь идет о 20-летнем юбилее БНФ и лексема «свядомых» выступает как экспликатор идеологического противостояния БНФ и официальной власти);

— максимально приблизить содержание текста к читателю, подчеркнув принадлежность той или иной реалии к белорусскому социо- или этнокультурному пространству. Так, например, в небольшой статье, напечатанной в «Белгазете», автор Д. Растваев с изрядной долей иронии описывает ситуацию выбора имени для нового проспекта в городе Бобруйске и, проводя параллель между процессами наименования улиц в Америке и Беларуси, в русскоязычный текст для маркировки разных социокультурных пространств включает как английские (*авеню, стрит*), так и белорусские (*пачвара, шлях, завулак*) лексемы — *Мы жывем не на родзіне Миккі Мауса, а в краіу куда более замысловатых «пачвар», где однімі «шляхамі» да «завулкамі» шішч абойдешся.* Или в газете «Свободные новости-плюс» информация о невысоком спросе на льготное кредитование для покупки белорусских товаров дается на русском языке, но в заголовке включена конструкция на белорусском языке: *Не торопятыя «купляць беларускае» в кредит.* Большая статья о кредитной политике белорусских банков в период мирового кризиса, написанная на русском языке и напечатанная в «Белгазете», имеет заголовок на белорусском языке (*Пайшлі па грошы*) и подзаголовок на русском (*Нам мировые кризисы не грозят!*).

Коммуникативная прагматика речевого поведения участников общения обуславливает и совмещение двух языковых систем в интернет-диалогах. Л. А. Козловская, исследовавшая использование интерферентных элементов в структуре текстов Интернет-форумов различной тематической направленности, отмечает, что белорусскоязычные вкрапления в русскоязычном тексте обычно употребляются при выражении экспрессивных оценок, ироничном цитировании, снижении официальности/конфликтности ситуации общения и т. д. [4, с. 258].

Происходит ли при этом постепенное проникновение элементов белорусского языка в русский? Можно ли в данном случае говорить о начинающемся процессе формирования национального (белорусского) варианта русского языка? На наш взгляд, подобные выводы несколько преждевременны. Осознанное использование белорусских элементов при порождении текста на русском языке — это скорее семантико-стилистический прием, позволяющий использовать ресурсы обоих языков и актуализировать в сознании адресата речи социально значимые и актуальные для него явления и понятия. Регулярно в русских текстах встречаются только единицы, отражающие реалии белорусской действительности и либо не имеющие соответствующего наименования в русском

языке (*кулеши* — мучная каша с салом, *жур* — суп из настоя дробленого овсяного зерна или муки), либо концептуально значимые (*бульба*, *бусел*, *крынiца*). Именно они в перспективе могут войти в лексический фонд национального варианта русского языка в Беларуси. Что же касается других многочисленных лексических вкраплений, то зависимость их выбора от прагматической ситуации предопределяет непредсказуемость и случайность их появления. Данные элементы не затрагивают глубинных структур языка, не проникают в его систему, а скользят по поверхности, модифицируя только форму выражения.

Это подтверждается и разнонаправленностью процесса переключения с одного языкового кода на другой: при создании текстов на белорусском языке тоже встречается прагматически ориентированное включение равноуровневых элементов русского языка. Это явление весьма распространено и в публицистике [2, с. 183—192], и в Интернет-диалогах; нередкой коммуникация в Интернете идет с использованием ресурсов нескольких языков (русского, белорусского и английского) [9, с. 101—102].

Грамматические формы, соответствующие нормам белорусского языка (*злой собака*, *выше за меня*, *болеть на грипп*, *благодарить другу* и т. п), в письменную форму русского языка практически не проникают. А если и встречаются там, то не считаются нормой.

6. Язык — это проводник по социальной реальности (Э. Сепир). Формирующийся в языке современной белорусской газеты своеобразный социокультурный конгломерат, состоящий из русских и белорусских языковых элементов, это прямое отражение современной лингвистической ситуации в Беларуси, где, с одной стороны, наблюдается стремление к разграничению функций и сфер употребления русского и белорусского языков, а с другой активно идут интеграционные процессы.

Наши наблюдения над тем, как соотношение языковых единиц в сознании билингва стимулирует целенаправленное использование единицы одного языка в тексте на другом языке, еще раз подтверждают, что двуязычие обогащает картину мира билингва и расширяет для него (за счет вкраплений) репертуар вербальных способов выражения оценки и затекстовой информации. Белорусское слово в русскоязычном тексте — это не просто языковой знак, стремящийся внедриться в лексическую систему другого языка, а сгусток оценочных коннотаций и общественно-политических ассоциаций. Авторы используют его для создания ценностных оппозиций идей, как декодер затекстовой информации, актуализатор скрытых смыслов и образно-оценочных характеристик.

Литература

1. Авина, Н. Ю. Русский язык в Литве: грамматические особенности / Н. Ю. Авина // Язык и социум: материалы VI Междунар. конф. В 2-х ч. Ч. 1. — Минск, 2006. — С. 83—87.
2. Вольнец, Т. Н. Об одной из форм взаимодействия белорусского и русского языков на современном этапе (русскоязычные вкрапления в белорусскоязычном тексте) / Т. Н. Вольнец, И. Э. Ратникова // *Dziedzictwo przeszłości związków językowych, literackich i kulturowych polsko-balto-wschodnioslowianskich* / pod red. Jana Franciszka Nosowicza/ Białystok, 1997. — S. 183—192.
3. Вольнец, Т. Социокультурные процессы в Беларуси и двуязычие / Т. Вольнец, И. Ратникова // Лингвистические и культуроведческие аспекты русского языка в сопоставлении с родным: доклады Междунар. конф. — Пловдив, 1997. — С. 219—224.
4. Козловская, Л. А. Прагматика интерферентных процессов в условиях белорусско-русского близкородственного двуязычия / Л. А. Козловская // Русский язык: система и функционирование: материалы III Междунар. конф., Минск, 6—7 апреля 2006 г. В 2-х ч. Ч. 2. — Минск: РИВШ, 2006. — С. 257—259.
5. Мечковская, Н. Б. Статус и функции русского языка в последних советских законах о языке / Н. Б. Мечковская // *Russian Linguistics*. — 1992. — N 16. — P. 79—95.
6. Міхневiч, А. Я. Выбраныя працы / А. Я. Міхневiч. — Мiнск, 2006. — 230 с.
7. Млечко, Т. П. Единый, но разный. Региональная специфика русского языка вне России / Т. П. Млечко // Президиум МАПРЯЛ: 2003—2007: сб. науч. трудов. — СПб., 2007. — С. 161—175.
8. Норман, Б. Ю. Русский язык в Беларуси сегодня / Б. Ю. Норман // *Die Welt der Slaven*. — 2008. — Heft N 2. — S. 289—300.
9. Потапова, О. В. К вопросу о двуязычности белорусских интернет-форумов / О. В. Потапова // Взаимодействие и взаимопроникновение языков и культур: состояние и перспективы: материалы Междунар. науч. конф., г. Минск, 20—21 марта 2008 г. В 2-х ч. Ч. 1. — Минск: БГПУ, 2008. — С. 101—102.
10. Ровдо, И. С. Русские в Беларуси / И. С. Ровдо // *Acta Albaruthenica, Rossica, Polonica: VIII Miżnjar. nauk. kanf. «Belaruska-ruska-polskae supastaўляlnaе mowaznaўstaўa»*; у 2 ч. Ч. 1. — Вiцебск: ВДУ iмя П. М. Шацэрава, 2009. — С. 64—68.

11. Русский язык в новых независимых государствах. Отчет о результатах проведенного исследования [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал «Евразийский дом» / Режим доступа: <<http://www.eurasianhome.org/xml/t/socials.xml?lang=ru&nic=socials&pid=36>>. — Дата доступа 26.10.2008.
12. Свяжынскі, Ул. 3 гісторыі беларускай «трасянкі» / Ул. Свяжынскі // Наша слова. — 1990. — № 2. — С. 3—9.
14. Синочкина, Б. М. О некоторых региональных особенностях русского языка в Литве / Б. М. Синочкина // Языкознание. — 1989. — № 40 (2). — С. 70—76.
14. Статистический справочник Министерства образования Республики Беларусь. — Минск, 2005. — 119 с.
15. Супрун, А. Е. Содержание обучения русскому языку в белорусской школе / А. Е. Супрун. — Минск: Вышэйш. школа, 1987. — 289 с.